«Кубанские казаки» – самый раскрученный «бренд» Краснодарского края. «Казачьи патрули», «казачья служба», «казачья станица «Атаманъ» – все это и многое другое, «казачье», привлекало неизменное внимание россиян к руководству края, как к бывшему, так и нынешнему. В унисон Ткачеву Кондратьев призывает к возрождению «казачьих устоев», «казачьих традиций», даже «распространения казачьего уклада на всю Кубань». Но буквально на днях вся эта пафосная риторика разбилась, как «Титаник», о решение городского суда Славянска-на-Кубани, обязавшего администрацию района убрать мемориальную доску атаману Кубанского казачьего войска Вячеславу Науменко.

Вячеслав Науменко весьма противоречивая фигура в истории кубанского казачества. Кубанский казак, герой Первой мировой войны, один из деятелей Белого движения на Кубани. В 1920 году был избран атаманом Кубанского казачьего войска за рубежом и оставался в этом звании до 1958 года. Несомненной его заслугой является сохранение регалий Кубанского казачьего войска. Их сбережение в надежде на возвращение на Кубань Вячеслав Науменко считал одной из главных задач своей деятельности как атамана ККВ. Своего рода «черной меткой» в биографии атамана стало его сотрудничество с немцами в годы Второй мировой войны и его участие в деятельности созданного в Берлине так называемого «Главного управления казачьих войск» во главе с еще одним видным казачьим белоэмигрантом атаманом Петром Красновым. Факт этот стал известен не вчера. А страница эта в биографии Науменко лишний раз свидетельствует о той тектонической ломке, в которой оказалось казачество, служившее верой и правдой царю и Отечеству. Даже находясь в эмиграции, казаки пытались сохранить свою идентичность.

– После войны Науменко проживал в Германии в американской зоне оккупации, занимаясь перемещением казаков в США, в Австралию, – рассказывает старший научный сотрудник музея-заповедника имени Фелицына Наталья Корсакова, – причем, недалеко от советской зоны оккупации. Между американскими и советскими военными тогда проходило активное взаимодействие, и, если бы советская сторона потребовала его выдачи, вряд ли американцы отказали бы союзникам. Суд над Науменко был в Америке в августе 1949 года, когда семья Науменко вместе с регалиями войска прибыла в Нью-Йорк. Казаками одного из противостоящих лагерей в казачьей эмиграции был написан донос. Науменко остановили в Бостоне, и с 1949 по 1950 шло расследование

американскими судебными властями этого доноса. Впоследствии и сами доносчики отказались от своих показаний, сказав, что их заставили написать. Кто – неизвестно. Так или иначе, Вячеслав Науменко был оправдан, причем, в процессе участвовал довольно известный американский адвокат Ватсон Вашборн. Он был одним из юристов, участвовавших в Нюрнбергском процессе, имел еврейские корни, так что заподозрить его в пронацистских симпатиях довольно затруднительно, – пояснила историк, оперирующая конкретными фактами и документами.

До недавнего времени личность Вячеслава Науменко на Кубани не вызывала отторжения. В 1998 году на Кубань из Америки приезжала дочь атамана, Наталья Назаренко. Тогда ее привечали губернатор Краснодарского края Николай Кондратенко и атаман Кубанского казачьего войска Владимир Громов. Возможно, дочери атамана и впрямь показалось, что возвращается старая, «казачья» Кубань, со своими традициями и устоями, ведь в 1996 году в станице Петровской на доме, до революции бывшем усадьбой Науменко, была установлена мемориальная доска памяти кубанского атамана. На торжественном открытии этого памятного знака присутствовали атаман Кубанского казачьего войска Владимир Громов, глава Славянского района Владимир Синяговский (ныне глава города Новороссийска), писатель Виктор Лихоносов. Именно тогда впервые был поднят вопрос о возвращении регалий Кубанского казачьего войска на родину.

Эту идею горячо поддержала Наталья Назаренко, отец которой неустанно твердил о том, что казачьи регалии должны вернуться на Кубань. О роли атамана Науменко и его дочери в возвращении на Кубань регалий сказано и написано немало. Роль Натальи Назаренко и впрямь была велика, учитывая, что среди казаков в США было немало противников возвращения регалий на Кубань. Дело дошло даже до суда.

– Когда был поставлен вопрос о возвращении регалий, – рассказывает старший научный сотрудник музея-заповедника имени Фелицына, Наталья Корсакова, – проходило четыре суда по этому вопросу. Три суда казаки – сторонники возвращения регалий – проиграли. Это внуки и дети тех, кто покинул в свое время Кубань еще детьми. Они не сильны в юриспруденции и всякого рода процессуальных тонкостях. Так, например, нынешний атаман Кубанского казачьего войска за рубежом Певнев, по профессии плотник. Поэтому они не смогли нанять юристов, способных достойно представить их позицию. Благодаря тому, что Наталья Вячеславовна вникла в этот процесс и смогла разъяснить в Верховном суде штата Нью-Джерси, что эти регалии значат для истории казачества, для истории России, суд был выигран.

16 октября 2006 года в результате длительных переговоров между ККВ и Войсковым

Советом Кубанского казачьего войска за рубежом в Краснодаре было подписано историческое соглашение о передаче регалий. Тогда же распоряжением главы края А. Ткачевым была образована комиссия по приему, обеспечению сохранности и реставрации регалий кубанского казачества. Большая часть регалий была привезена на Кубань с апреля 2007 года по май 2008 года при посредничестве Генерального консульства РФ в Нью-Йорке и Росохранкультуры, – подчеркнула историк Корсакова.

Роль дочери Вячеслава Науменко в возвращении регалий особо подчеркнул в 2011 году и тогда еще новый атаман Кубанского казачьего войска Николай Долуда: – Мы низко кланяемся всем, кто причастен к возвращению регалий Кубанского казачьего войска на кубанскую землю, – подчеркнул атаман ККВ. – В первую очередь это атаман ККВ за рубежом Александр Певнев и его супруга, член войскового совета Николай Сухенко, дочь последнего атамана, избранного еще в России, Наталья Науменко. Дочь атамана поверила, что Кубань изжила большевистское наследие, а ее оппоненты – нет. Выходит, они оказались прозорливее? Вряд ли Наталья Назаренко начала бы оказывать столь деятельное содействие в возвращении казачьих регалий, если бы видела, как на Кубани изничтожают память о ее отце, объявляя его «пособником фашистов». Тем более что возглавляет этот крестовый поход нынешнее руководство войска, лобзавшее ручку гостье из Америки

Юридически главным противником увековечения памяти Науменко сегодня выступает Юрий Мишанин, профессор КубГТУ, представляющийся всем «казачьим полковником». Впрочем, по словам многих казаков, в частности, экс-атамана ККВ Владимира Громова, Юрий Мишанин и вправду ранее состоял в Кубанском казачьем войске, но был исключен. Причем, по словам Мишанина, он ушел сам из-за несогласия с политикой, проводимой тогдашним атаманом Владимиром Громовым. По словам же самого Громова, был изгнан за склочный характер. А недавно он ушел и из Всекубанского казачьего войска, деятелем которого он долгое время представлялся. Сейчас Мишанин, по его собственному утверждению, является членом казачьей организации «Союз казаков Кубани».

– Десять лет я борюсь с тем, чтобы у нас на Кубани не прославляли нацистских пособников, – говорит Юрий Мишанин, – так, как это происходит в Прибалтике, на Украине. Науменко точно такой же пособник: он участвовал в создании казачьих частей в Сербии, он формировал казачью дивизию СС. Я категорически против того, чтобы на Кубани восхвалять нацистских пособников, таких, как Шкуро и Науменко. Да, он сохранил регалии, это единственная его заслуга. Ну, так можно и Гитлера оправдать, потому что он тоже у себя собрал многие памятники искусства, многое сохранил. Скажем, что и он хороший парень? – пояснил свою позицию в телефонной беседе с корреспондентом «НГК» борец за чистоту в казачьих рядах Юрий Мишанин.

Но Мишанин не является профессиональным историком. По своей основной профессии он – ветеринар. С сентября 2000 года и по настоящее время работает профессором кафедры «Технологии мясных и рыбных продуктов» Кубанского государственного технологического университета. При всем уважении к его научным заслугам нельзя не заметить, что все они далеки от истории кубанского казачества, как был от него далек до недавнего времени и сам уроженец сибирского села . Не ставя под сомнение успехи Мишанина в оказании медицинской помощи чукотским оленям и монгольским баранам, позволим усомниться в его компетентности по части оценки сложнейших исторических событий и личностей, участвовавших в них. В своем письме на имя генерального директора музея-заповедника А.Г. Еременко Мищанин пишет, что «выводы научного сотрудника Н.А. Корсаковой основаны на пустословии и словоблудстве», что она «за народные деньги восхваляет и популяризирует гитлеровского холуя»», «подобные пустословные подтверждения о невиновности эсэсовца Науменко мы получали всякий раз от «историков» и чиновников Краснодарского края». Заметьте, слово «историков» Мишанин пишет в кавычках, видимо считая, что звание заслуженного ветеринара дает ему основание вычеркивать из числа историков дипломированных специалистов, со степенями и множеством научных трудов в том числе и по истории казачества. Та же Наталья Корсакова задолго до прозрения Мишанина собрала и представила для новых поколений кубанцев сведения, имеющие историческую и научную значимость, в том числе и об атамане Науменко и его деятельности в эмиграции.

– Есть постановление Краснова о создании в Берлине так называемого Главного управления казачьих войск, – рассказывает Наталья Корсакова, – то есть органа, представляющего казачьи интересы при германском командовании. Науменко входил в его состав. Он был атаманом Кубанского казачьего войска, все структуры которого находились на территории оккупированной немцами, и с ними так или иначе приходилось сотрудничать. Вполне возможно, что он принимал участие в тех или иных встречах, мероприятиях, съездах, в которых участвовали и немцы. Отказ Науменко от сотрудничества с немцами повлек бы самые неприятные последствия и для него, и для его семьи. Что было бы при этом с казачьим регалиями – также непонятно. Науменко входил в состав ГУКВ, но ничего не планировал, как утверждает Мишанин. Науменко один раз съездил в Берлин, посмотрел на дрязги между казачьим лидерами и через месяц написал письмо Краснову: «Прошу меня не считать участником ГУКВ». Зять Науменко Назаренко был офицером Кавалерийского корпуса фон Паннвица, но этот корпус стоял в Югославии и никакого участия во боях против советских войск не принимал. И вообще, есть мнение, что Назаренко был советским разведчиком и после войны, даже в Америке, есть ряд неясностей в его биографии, позволяющих так думать.

Среди прочего, Мишанин ссылается на решение экспертной комиссии под руководством заместителя полномочного представителя президента РФ в ЮФО Л,Л. Беляка, «подтверждающей службу Науменко у немцев». В распоряжении нашей газеты оказался полный текст этого ответа, в котором и вправду утверждается, что «…имеются документальные свидетельства о том, что В.Г Науменко сотрудничал с руководством Главного управления казачьих войск, сформированного в марте 1944 года по приказу командующего восточными добровольческими войсками вермахта генерала от кавалерии Э. Кестринга». Однако в следующем же абзаце того же документа указывается, что «эта деятельность не была связана с участием в боевых действиях против советских войск».

Вообще, подобных ответов великое множество на запросы сотрудников музея и иных исследователей. В частности, в ответе начальника Архивной службы Вооруженных Сил РФ директору музея А. Еременко говорится, что «в архивах Министерства обороны РФ сведений о привлечении В.Г. Науменко к судебной ответственности за сотрудничество с Германией не имеется». Аналогичный ответ был и из ФКУ «ГИАЦ МВД России»: «запрашиваемыми сведениями (о привлечении к ответственности Вячеслава Науменко за сотрудничество с Германией) Центр реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации ФКУ «ГИАЦ МВД России» не располагает».

Наконец, имеется ответ из главной военной прокуратуры от 23 октября 2014 года на запрос историка казачества Андрей Дюкарева, автора монографии «Атаман В.Г. Науменко и его род в истории Кубани». Вот что написал старший военный прокурор 4 отдела 4 управления старший советник юстиции А. Чичуга:

«Установлено, что в органах военной прокуратуры сведений о службе В.Г. Науменко в войсках СС, совершении им насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, его пособничестве изменникам Родины и фашистским оккупантам во время ВОв 1941-1945 гг. не имеется. Документальных данных о совершении Науменко В.Г. … каких-либо деяний, уголовная ответственность за которые установлена Уставом Международного Военного Трибунала (преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности), не выявлено».

Науменко В.Г. с 1920 г. в России не проживал и гражданином СССР не был, поэтому не мог быть субъектом преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за совершение государственных (контрреволюционных) преступлений, в том числе и за измену Родине(в ред. главы первой Положения о преступлениях государственных от 25 февраля 1927 г).

По материалам уголовного дела Шкуро А. Г., Краснова П.Н. и других…Науменко В.Г. также не проходит. Конечно, кроме правовой оценки, существует еще и моральная сторона вопроса. Гражданина Мишанина можно понять, когда он пишет об отношении российских граждан к деятелям, сотрудничавшим с немцами. На территории всей оккупированной части СССР огромное количество народу так или иначе было вынуждено как-то взаимодействовать с оккупантами. Грубо говоря, в «пособники» можно записать любую бабушку, на постое у которой стояли немецкие солдаты и офицеры.

– Я считаю, что большевики сполна искупили все свои преступления во время Великой Отечественной войны, – говорит Мишанин, – это все надо забыть и примириться, наконец, гражданская война закончилась. Но примирения с нацистскими пособниками у нас быть не может. Одно дело, когда воюют друг с другом, и совсем другое, когда идут на службу к немцам. «Потомкам атамана Науменко тоже есть что вспомнить: «Бабушка моя погибла трагически… В 1922 году при высылке эшелонов с казаками в дальние места ее погрузили в один из таких эшелонов. Была она сильно больной и совсем немощной, и ее конвоиры вскоре выбросили по ходу поезда», – вспоминает родственница атамана, оставшаяся на родине и пострадавшая от советской власти. Остался на Кубани и его старший брат Иллиодор Науменко, ставший главой рода после смерти Григория Науменко. Иллиодор принял и хозяйство брата, и он же был вынужден полностью отдать его большевикам после раскулачивания. Пережив ссылку на Севере, потерю хозяйства, близких, Иллиодор вместе с семьей возвращается на Кубань, откуда потом перебирается в город Буденовск Ставропольского края. Именно там, чтобы оградить семью от дальнейших репрессий, Иллиодор Науменко покончил с собой в 1936 году. Его сын, Валентин Науменко, также бывал задержан, но потом отпущен и после этого работал бухгалтером, ревизором. Последнее место его работы было в Чечено-Ингушетии, откуда Валентин Науменко в 1941 году и ушел на фронт рядовым. В боях под Новороссийском 12 июля 1943 года был тяжело ранен и спустя несколько дней скончался в Краснодарском госпитале.

У Валентина Науменко было четверо детей: одна из них, Любовь Науменко, после замужества Иванова. Проработав при советской власти бухгалтером в Грозном, после 1991 года она была вынуждена перебраться из Чечни в Краснодарский край, на родину предков. Сначала она проживала в станице Петровской, теперь живет в поселке Афписком с дочерью.

– При советской власти я толком ничего не знала о своем двоюродном деде, – рассказывает она, – отец ничего не говорил, да он и ушел на фронт, когда мне было

десять лет, с фронта не вернулся. Мать не рассказывала, да она и знала немного. Я знала только, что у меня родственник где-то за границей, но не более. И только в годы перестройки, когда уже можно было об этом говорить, я и стала узнавать о своей родне за границей, а с началом девяностых стала переписываться со своей двоюродной тетей, Натальей Назаренко.

Именно благодаря заботам, усилиям и хлопотам Любови Валентиновны род Науменко вернулся из забвения. На протяжении многих лет она по крупицам собирала информацию о своих предках: деде, отце, дяде. Став руководителем отделения «Мемориала», она добилась реабилитации своего деда Иллиодора Науменко, ею была найдена и могила отца, рядового Валентина Науменко, который больше не числится пропавшим без вести, 9 мая 1944 года на станичном кладбище был установлен памятник всем погибшим казакам из рода Науменко. И она же приняла активное участие в том, чтобы 25 февраля 1996 года был установлен памятный барельеф на доме, в котором жил атаман Науменко. Тот самый барельеф, который решением городского суда Славянска-на-Кубани, который состоялся на минувшей неделе, должен быть демонтирован.

Характерная деталь, уже на следующий день, а не после вступления судебного решения в силу, барельеф был снят неизвестными и принесен во двор казачьего штаба куреня станицы Петровской. К слову сказать, это не первый такой факт, ведь по сути барельефа было два. Первый, установленный в 1998 году, сделанный из бронзы, был снят неизвестными и унесен в неизвестном направлении. Кто это сделал – неясно, много кто мог позариться на «цветмет». Второй раз, уже в 2010 году, был установлен гранитный барельеф.

Местные казаки выступают против ревизионизма казачьей истории и личности их земляка – атамана Науменко:

– Это история, в конце концов, – говорит начальник штаба Петровского куреня подъесаул Борис Зубков, – если есть документы, которые бы четко указывали на его виновность, так пусть укажут на них. Я понимаю, если бы жители станицы были решительно против – так нет же, никому этот барельеф не мешает, какого-то всеобщего негодования у местных он не вызывает. Да и расположен он не на видном месте, в станице о нем толком и не знают. – Это наша память, это станичников наших память, – добавляет подъесаул петровского куреня Геннадий Волколуп,

– это наше дело, хай лучше не лезет, нечего ему делать в нашей станице. Не нравится – не езди сюда, мы так Мишанину и сказали. Мы же не валим памятники. У нас Ленин стоит, который занимался расказачиванием, по его приказу Свердлов в 1919 казачество уничтожал. Станица сама разберется, нужен ей барельеф или нет.

Казаки станицы – живые свидетели тому, как все эти годы возле барельефа Науменко проводились разного рода торжественные мероприятия, с именем Науменко связывалось и воспитание молодых казачат. Для станичников решение суда стало настоящим шоком. Но на суде казачество Славянска-на-Кубани представлял только атаман Славянского казачьего общества, за все время судебного заседания сказавший лишь то, что отдает дело на усмотрение суда. От официальных комментариев газете он предпочел уклониться. То же самое касалось и представителя городской администрации. Юрист от министерства культуры края поддержал славянского межрайонного прокурора. Мнение это было простое – мемориальную доску убрать! Аргументация – примерно та же, что и у Мишанина – недопустимость «популяризации приспешника фашизма» и «противодействие экстремизму». Проводили параллели с событиями в Украине, где «происходит полное стирание моральных норм», «памятники настоящим героям, ветеранам ВОв уничтожаются», «героизируется приспешник фашистов Степан Бандера». Складывается впечатление, что я присутствовал на митинге политиканов, а не в суде, где судья обязан выносить решение на основе фактов, документов, свидетелей. Мнение гражданина Мишанина, юриста министерства и прокурорского работника, участвовавших в данном судебном процессе, воспринимать, как мнения экспертов, нельзя. Впечатление тяжкое, представители с трудом понимали вообще, о чем идет речь на суде. Что им велели начальники, то они и артикулировали. Но дело даже не в слепых исполнителях чужой недоброй воли. Собственно, и Мишанин, и прокуратура с министерством культуры – это пешки в чужой войне. Не побоюсь громких слов, инициатором пересмотра истории является на этот раз сам атаман Долуда, неожиданно сменивший взгляды. Как нам стало известно, в мае прошлого года прошло совещание под руководством замглавы администрации края Николая Долуды с участием представителей министерства образования, министерства культуры, департамента по делам казачества, управления по охране памятников культурного наследия, а также администрации Славянского района. И вот как раз там и было принято решение, «...ввиду предательского поведения атамана Науменко, популяризация и восхваление его является недопустимыми». Соответственно, всем ведомствам и местным властям было предложено принять все меры в целях недопущения. Собственно, именно ввиду нарушения славянской администрацией данного постановления и был подан иск межрайонного прокурора.

Самодеятельность Юрия Мишанина, который сыграл в данном случае на руку Долуде, – палка о двух концах. В казачестве отродясь не прекращались брожения. И в нашем случае факт налицо. Мишанин считает, что кубанского атамана и, вообще, кубанские власти «клюнул жареный петух», то есть Украина.

- Все суды я проиграл, потому что восхваление Науменко открыто покрывалось администрацией края, тем же Долудой, – говорит он, – если бы не случилось то, что случилось в Украине, я бы и сейчас ничего не добился. Долуда, он вообще человек неприятный, высокомерный, я уверен, это он стоит за тем, что первого сентября прошлого года меня сократили в КубГТУ, – заявил он в беседе с корреспондентом «НГК».

Решение суда первой инстанции, как я понял, никто из станичных казаков оспаривать не собирается. Мемориальную доску уже низвергли, и казачья Кубань не проявила к этому эпохальному событию ровным счетом никакого интереса. Остается вопрос: собирается ли нынешний атаман Долуда идти дальше в борьбе с экстремизмом? Например, будут ли теперь изымать из библиотек и книжных магазинов книги о Вячеславе Науменко, а соответственно, и о кубанских регалиях, ведь там без упоминания Науменко не найдется ни одной. Будут ли вымарываться слова из газетных публикаций, где совсем недавно тем же Долудой было сказано только хорошее о том же Науменко, о его дочери. Ведь, в конце концов, она вместе с отцом и мужем уехала из России, так что ее тоже запросто можно записать в «пособницы». Тот же Мишанин цитирует Николая Долуду: « С именем Вячеслава Григорьевича связано возрождение казачества на Кубани, а вся его жизнь – образец преданности своему делу, который сейчас служит примером для его потомков». Отречется ли после этого суда Долуда от сказанного? Наконец, сами кубанские регалии, без которых теперь не обходится ни одно мало-мальски значимое казачье мероприятия, не жгут ли они руки кубанской власти, как побывавшие в руках «предателя»? Где та грань, перед которой остановятся «разоблачители»? По представлению прокуратуры из экспозиции музея-заповедника имени Науменко была убрана его наградная «георгиевская» сабля, экспонат, которым может гордиться любой музей. Сегодня атаману Долуде не понравилась мемориальная доска на доме Науменко. Но в станице уже сейчас говорят о том, что снесут и сам дом, по причине его якобы «ветхости». Я был рядом с этим домом, «ветхим» он мне не показался. Сегодня доска, завтра дом, а что потребуют снести завтра нынешние казачьи правители?

Никто не призывает простить Науменко. Черно-белое деление мира с его разделением на ангелических «наших» и демонических «предателей» работает на раскол общества. При таком вольном подходе к истории нет никакой гарантии, что через какое-то время на скамье подсудимых не окажется сам атаман Долуда. История, как известно, – барышня капризная.

Денис ШУЛЬГАТЫЙ

- По нашему мнению, сам факт судебного процесса по демонтажу мемориальной доски атаману Науменко В.Г., установленной в его родной станице, с моральной точки зрения является крайне неприятным. Благодаря усилиям Науменко и настойчивости его дочери, Натальи Вячеславовны Назаренко, выполняющей завещание и волю своего отца, регалии и реликвии Кубанского Казачьего Войска были сохранены в крайне тяжелых условиях и возвращены на Родину. Слова признательности и благодарности в адрес Науменко и его дочери Натальи произносили тогда многие известные политические деятели России и Кубани, в частности, Ткачёв А.Н., Громов В.П., Долуда Н.А., представители аппарата Правительства России. Если же некие политически ангажированные лица, постоянно сочиняющие жалобы в самые разные источники, полагают, что Науменко – предатель и изменник, то следует в этом разобраться предметно. Никаким судом и ни при каких обстоятельствах Науменко не признавался виновным в каких-либо преступлениях. И с моральной точки зрения, известный всем товарищ Ульянов (Ленин) , который, являясь гражданином Российской Империи, открыто призывал к поражению в войне, агитировал солдат бросать позиции, провоцировал беспорядки, и в результате его деятельности значительная часть страны оказалась в оккупации, который пришёл к власти путём насильственного вооруженного переворота, является типичным предателем Родины, в отличии от Науменко, который никогда не был гражданином СССР. Тем не менее, улицы, парки и целые регионы носят имя Ленина, и в этом смысле я не призываю никого их ломать и переименовывать. Это наша история. Но, говоря всё время с высоких трибун о примирении и покаянии, мы видим, что далеко не все готовы и хотят примириться и покаяться: агрессивно настроенные и радикальные личности продолжают будоражить общество и навязывать исключительно свою идеологию. С таким подходом о каком-то реальном примирении говорить не приходится.

Андрей Рудич, руководитель краевой общественной организации «Этническая Казачья община», атаман Краснодарской краевой общественной организации «Этническая казачья община Черноморская Казарла»

- Науменко из истории вычеркнешь, если мы будем замалчивать его роль в сохранении регалий Кубанского казачьего войска, это значит, что мы хреновые историки. Он был героем Первой мировой, он участвовал в Гражданской войне, и он же сохранил войско за рубежом, и это не вычеркнешь из истории. Так же, как и не вычеркнешь из нее то, что Вячеслав Науменко сотрудничал с нацистами – этот факт неоспорим, и он Науменко не делает чести. Но в военных действиях он не участвовал – по крайней мере, мне неизвестно о каких-либо документах, где это бы доказывалось. Главная его задача была сохранить регалии войска, и эту задачу он выполнил. Если бы его выдали в Лиенце вместе с остальными, его бы расстреляли, а регалии, скорей всего, просто бы растащили, как это случилось с регалиями Донского войска, которые достались Красной Армии в Чехословакии. В Америке Науменко привлекался к суду по поводу его сотрудничества с немцами, но никаких доказательств так и не было предоставлено, и суд его оправдал. Да и в СССР он никогда не привлекался к судебному преследованию. Науменко в истории есть – превозносить его, может, и не стоит, но благодарить есть за что. И то, что сейчас убирают его оружие из музея, а мемориальную доску с дома, это случай той самой «пуганой вороны». Никто не

вычеркнет Науменко из истории кубанского казачества. Это не под силу никакому суду и никакому Мишанину.

Владимир Громов, депутат ЗСК, атаман ККВ в 1990-2007 гг.

Источник: «Новая газета Кубани» от 17.02.2016 г.
http://ngkub.ru/obshchestvo/a-sudi-kto